

Часть I

ВВЕДЕНИЕ

...Экономическую науку можно определить как метатеорию — теорию о теориях, создаваемых людьми для уяснения того, как наиболее эффективно обнаруживаются и используются различные средства для достижения всевозможных целей.

Фридрих Август фон Хайек

Глава 1

ЭКОНОМИКА

И МИКРОЭКОНОМИКА

1.1. БРЕМЯ ВЫБОРА

Человек ограничен в своих возможностях. Ограничены его физические и интеллектуальные способности. Ограничено время, которое он может уделить тому или иному занятию. Ограничены средства, которые он мог бы использовать для достижения желанной цели. А ведь мир так богат и многообразен.

И не только человек — все общество, даже если рассматривать его в планетарном масштабе, ограничено в своем стремлении к свободе, счастью, благополучию. И хотя за тысячелетия своей истории люди существенно раздвинули рамки этих ограничений, но и сегодня, как и в любой момент прошлого и будущего, постоянная недостаточность наличных ресурсов — главное и весьма жесткое условие, накладываемое объективной реальностью на размеры общественного и личного благосостояния и возможности их роста.

Ограничность ресурсов имеет относительный характер. Она заключается в принципиальной невозможности одновременного и полного удовлетворения всех потребностей всех людей.¹

¹ •Истина заключается в том, что общество, может быть, и способно удовлетворить все потребности отдельных людей, но тогда оно лишает этого других, вынуждая их перейти на более низкий уровень потребления. Либо оно способно удовлетворить отдельные потребности всех людей, но тогда уровень удовлетворе-

Очевидно, что если бы ресурсы не были бы недостаточны, не было бы и необходимости заботиться о наилучшем, оптимальном их распределении между различными нуждами, не надо было бы экономить их, повышать эффективность их использования, устанавливать какие-либо принципы распределения потребительских товаров и услуг. И нам ничего не стоило бы воплотить в жизнь лозунг-мечту: «Каждому — по потребностям».

Ближайшим следствием недостаточности ресурсов является конкуренция за их использование. Это не только конкуренция между людьми за ресурсы удовлетворения их личных или групповых потребностей. Это прежде всего конкуренция между альтернативными целями, возможными направлениями использования ресурсов, хотя каждая из таких альтернативных целей может быть и персонифицирована.

Например, нефть служит сырьем для получения котельного, дизельного, реактивного топлива. В результате ее вторичной переработки можно получить исходные вещества для производства синтетических волокон, пластмасс, красителей, моющих средств и многое другое. Но и это не все. Валютная выручка от экспорта нефти и продуктов ее переработки может быть использована для закупок на мировом рынке продовольствия, медикаментов, других потребительских товаров, а также оборудования для легкой, пищевой, химической промышленности, новой техники и технологии.

И все эти альтернативные цели конкурируют за использование всегда ограниченного, а в последние годы и сокращающегося объема добываемой в стране сырой нефти. Увеличив экспорт нефти, мы должны будем сократить поставки топлива для сельскохозяйственной техники, что отрицательно скажется на объеме сельхозпродукции. Но, быть может, выручка от ее экспорта позволит нам импортировать продовольствие в объеме, прекрывающем потери от снижения урожая, или закупить нефтебуровое оборудование, чтобы в будущем увеличить добычу нефти

ния других потребностей будет гораздо ниже уровня насыщения. Общество, которое может удовлетворить все потребности всех граждан, нет не только в настоящее время, но и в перспективе. Как бы ни возрастило благосостояние, развитие техники и культуры всегда будет способствовать дальнейшему увеличению материальных потребностей» (Корнаи Я. Дефицит. М., 1990. С. 437).

и, значит, поставки топлива сельскому хозяйству, другим потребителям.

Таким образом, перед обществом, как и перед отдельным человеком, всегда стоит задача выбора направлений и способов распределения ограниченных ресурсов между различными конкурирующими целями. Способы решения этой задачи и составляют предмет экономической науки.

Экономисты исходят в своих рассуждениях из гипотезы о рациональном поведении людей. Рациональное поведение — это поведение, направленное на достижение максимальных результатов при имеющихся ограничениях.² Обычно предполагается, что индивидуумы максимизируют удовлетворение своих потребностей, или полезность, а предприятия — прибыль, тогда как государство призвано максимизировать нечто, называемое общественным благосостоянием.

Не нужно думать, что рациональное поведение — это непременно «правильное» поведение, скажем питание в строгом соответствии с физиологическими нормами или предписанной врачом диетой, повседневные занятия утренней гимнастикой, отсутствие так называемых «вредных привычек» или чтение душеспасительной литературы. Современного экономиста не приведут в смущение обращенные к «политико-экономам» прошлого века слова героя повести Ф. М. Достоевского «Человек из подполья»: «И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотенья? С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благоразумно выгодного хотенья? Человеку надо — одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему

²Принцип максимизации входит уже в первое определение предмета экономической науки, данное Ксенофонтом (ок. 430–355 или 354 до н.э.): «Итак... мы установили, что имя некоторой науки есть экономия. Сущность этой науки представилась нам в том, как люди могут увеличить свои „дома“ (оийкосы в смысле общей совокупности их имущества)» (История экономической мысли / Под ред. В. Я. Железнова и А. А. Мануйлова. М., 1916. Т. 1, вып. 1. С. 51–52). Ряд экономистов, в частности нобелевский лауреат Г. Саймон, выдвинули гипотезу рационального поведения, согласно которой хозяйствующие субъекты не стремятся к максимизации результатов, а довольствуются некоторым приемлемым их уровнем. Однако им не удалось показать, что при прочих равных условиях мы выбираем меньшее, а не большее.

бы ни привела».³ Для экономиста одинаково рациональным будет поведение и заядлого курильщика или чревоугодника, хотя и то и другое заведомо вредно, и вполне добропорядочного человека, всю жизнь проводящего в заботах о своем здравии.

Экономисты не претендуют на определение целей, которые должны ставить перед собой отдельные люди или общество, оставляя заботу об этом религиозным проповедникам, социальным реформаторам и политическим лидерам. Они принимают как данность те цели, которые ставят перед собой и преследуют индивидуумы. Экономистов интересует лишь то, как люди реализуют свои «самостоятельные хотенья», или субъективно понимаемые интересы в мире ограниченных возможностей, и что из этого может получиться. «Мы, — писал в 1820 г. Жан-Батист Сэй своему английскому коллеге Томасу Мальтусу, — должны только сказать обществу, как и почему такой-то факт является последствием такого-то другого. Согласится ли оно с этим последствием или отвергнет его, этого будет для него достаточно, оно знает, что ему делать, но никаких поучений».⁴

Такое понимание роли экономистов и экономической науки пришло не сразу. В эпоху античности и средневековья экономические проблемы рассматривались как частные вопросы прикладной этики или общего учения о справедливости, отчасти права. На протяжении почти двух тысячелетий обсуждались вопросы о «справедливой цене», о том, позволительно ли торговать и не является ли торговля преступлением против совести и Бога, допустимо ли взимать (и платить) процент по денежным ссудам и т.п.

В XVII—XVIII вв. экономическая наука существовала преимущественно как наука о государственном хозяйстве, об экономике национальных государств, управляемых, как правило, абсолютными монархами. С полным основанием такая наука могла именоваться *политической экономией*.⁵ Даже великий А. Смит

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1973. Т. 5. С. 113.

⁴ Цит. по: Жид Ш. История экономических учений. М., 1914. С. 64.

⁵ Термин был введен в 1614 г. во Франции Антуаном де Монкретьеном. «Все его помыслы, — пишет А. В. Аникин, — были направлены именно на процветание хозяйства как государственной, национальной общности. Неудивительно, что перед словом экономия он поставил определение *политическая*» (Аникин А. В. Юность науки. М., 1975. С. 33).

утверждал: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю... ставит себе целью обогащение как народа, так и государя».⁶ Кстати, и Евгений Онегин вынес из чтения А. Смита лишь умение

...судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет,

что позволяло ему слыть «глубоким экономом».

В Германии в течение длительного времени экономические проблемы рассматривались как элемент «государственного искусства» (*Staatskunst*) или часть «государственной науки» (*Staatswissenschaft*).

Лишь на рубеже XIX—XX вв. сформировалась чистая («никаких поучений!») *экономическая теория*, или просто — *экономика*,⁷ как общественная наука, изучающая поведение людей и их групп в процессе производства, обмена и потребления материальных благ и услуг в целях удовлетворения своих неограниченных потребностей посредством ограниченных ресурсов.

Экономика как наука не ставит своей целью обогащение «народа или государя». Как заметил Дж. М. Кейнс, это скорее метод, чем учение, инструмент разума, техника мышления, которая помогает тем, кто владеет ею, приходить к правильным заключениям. Термин же «политическая экономия» употребляется ныне иногда лишь для того, чтобы выделить в общей экономической теории ту ее часть, которая касается изучения роли государства в

⁶ Смит А. Богатство народов. М., 1962. С. 313.

⁷ Распространению нового «имени» экономическая теория во многом обязана вышедшей в 1890 г. книге А. Маршалла «Principles of economics» («Принципы экономики»). В русском переводе она вышла лишь в 1983–1984 гг. под названием «Принципы политической экономии». Подробнее см.: Экономика, сиречь наука экономическая // Экономическая школа. 1992. Вып. 2.

Альфред Маршалл (1842–1924) — английский экономист, профессор политической экономии Кембриджского университета (1885–1908), основатель Кембриджской школы в экономической теории. Идеи Маршалла определяли развитие экономической науки вплоть до 40-х гг. XX в.

регулировании экономики. Какова эта роль в действительности? Какой она могла бы быть? Удовлетворительно ли выполняет государство свои экономические функции? На все эти вопросы пытаются сегодня ответить политическая экономия.

1.2. ЧТО? КАК? ДЛЯ КОГО?.. КОГДА?

В процессе выбора, навязываемого обществу ограниченностью ресурсов, оно, как считают экономисты, сталкивается с необходимостью решения трех фундаментальных задач: *что*, т.е. какие товары и услуги и в каком количестве производить? *как*, т.е. с помощью каких ограниченных ресурсов и технологических способов производить нужные людям блага? *для кого* производить эти ограниченные жизненные блага?

В последнее время к этим трем фундаментальным вопросам добавился четвертый: *когда* будут потреблены те или иные блага или ресурсы? Будем ли мы потреблять их или сберегать? Используем ли мы наши невоспроизводимые природные ресурсы сами или сохраним их для будущих поколений? Экологический и энергетический кризис, мрачные прогнозы «Римского клуба»⁸ способствовали тому, что этот четвертый вопрос стал одним из важнейших с точки зрения судей современной цивилизации, выживания человечества.

При обсуждении этих и многих подобных проблем экономисты широко пользуются разного рода моделями, хотя и упрощающими реальную действительность, но позволяющими получать и демонстрировать в сравнительно сжатой, компактной форме определенные содержательные выводы. Попробуем с помощью простейшей модели рассмотреть основную экономическую проблему — *что, как и для кого производить*.

Предположим, что жители какой-то гипотетической страны, скажем Швамбрании, могут использовать свои природные и людские ресурсы для производства двух товаров или, лучше, двух групп товаров — средств производства и предметов потребления.

⁸Неофициальная некоммерческая международная организация, занимающаяся исследованием глобальных проблем роста и развития. Основана в 1968 г.

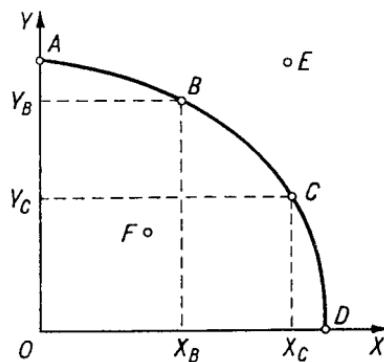

Рис. 1.1. Граница производственных возможностей.

Построим график производственных возможностей Швамбрании (рис. 1.1).

По оси абсцисс будем откладывать количество предметов потребления (X), по оси ординат — количество средств производства (Y). Кривая $ABCD$, называемая *границей области производственных возможностей*, показывает максимально возможные объемы производства предметов потребления и средств производства при полном использовании всех имеющихся ресурсов. Каждая точка на кривой представляет определенную комбинацию этих двух видов товаров. Например, точка B представляет комбинацию X_B единиц предметов потребления и Y_B единиц средств производства.

Рис.1.1 позволяет получить более четкое представление о трех взаимосвязанных понятиях — ограниченности ресурсов, выборе и затратах, как они интерпретируются в экономике.

Возьмем точку F внутри области производственных возможностей. Очевидно, что она означает такую комбинацию средств производства и предметов потребления, которая существенно меньше, чем могло бы производиться при полном и эффективном использовании всех ресурсов. Выбрав такую точку, мы смирились бы либо с наличием неиспользованных ресурсов (например, с безработицей), либо с низкой эффективностью их использования (например, с большими потерями, в том числе и рабочего времени). Наоборот, точка E характеризует такой выпуск про-

дукции, который недостижим при полном использовании наличных ресурсов и существующей технологии.

Таким образом, кривая $ABCD$, т.е. граница области производственных возможностей, характеризует одновременно и возможный, и желательный выпуск продукции. Именно из точек, лежащих на этой кривой и представляющих различные возможные сочетания выпуска средств производства и предметов потребления, мы и должны (в силу гипотезы о рациональном поведении) выбрать ту, которая для нас наиболее предпочтительна.

Сравним точки B и C . Выбрав точку B , жители Швамбрании предпочтут производство меньшего количества предметов потребления (X_B) и большего количества средства производства (Y_B), чем если бы они выбрали точку C (X_C, Y_C). Или, точнее, при переходе из точки B к точке C швамбранны получат дополнительно $\Delta X = OX_C - OX_B$ единиц предметов потребления, пожертвовав для этого $\Delta Y = OY_B - OY_C$ единиц средств производства.

Экономисты называют количество одного товара, которым необходимо пожертвовать для увеличения производства другого товара, *альтернативными затратами*, или *затратами отвергнутых возможностей* (opportunity cost — англ.). Обратим внимание, что экономист определяет затраты как *потери других, альтернативных товаров и услуг*, которые могли бы быть *произведены* с помощью тех же производственных ресурсов, тогда как бухгалтер регистрирует в качестве затрат *расход самих ресурсов*, точнее, их *денежную стоимость*.

Обратим внимание и на форму кривой $ABCD$. Она выпукла вправо вверх (вогнута к началу координат). Это связано с тем, что одни ресурсы могут быть более эффективно использованы в производстве предметов потребления, другие — в производстве средств производства. Двигаясь по границе производственных возможностей вправо вниз и изменения таким образом структуру производства в пользу увеличения выпуска предметов потребления, нам придется вовлекать все в большей мере сравнительно малоэффективные для их выпуска ресурсы. Поэтому выпуск каждой дополнительной единицы предметов потребления будет «оплачиваться» все большим сокращением выпуска средств производства. По мере приближения к любой из осей координат наклон кривой (к данной оси) будет увеличиваться, а значит, будут расти и альтернативные затраты.

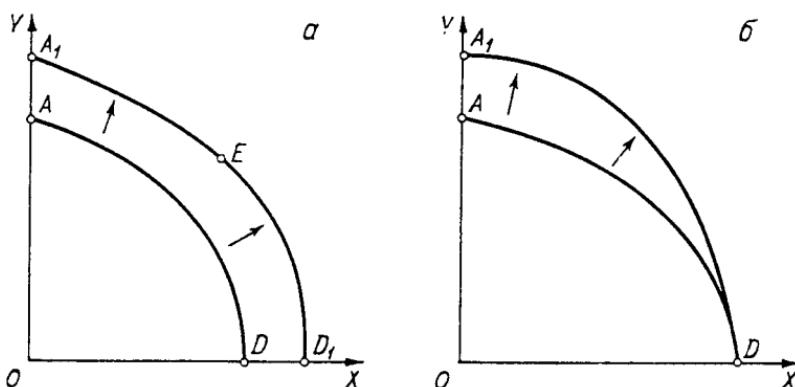

Рис. 1.2. Сдвиг границы производственных возможностей.

Таким образом, рис. 1.1 позволил нам продемонстрировать такие фундаментальные экономические понятия, как ограниченность ресурсов, проблема выбора, альтернативные затраты.

Может ли общество выйти за границу своих производственных возможностей, точнее, сдвинуть ее вверх и вправо? Конечно, может. Либо за счет увеличения производственных ресурсов (открытие новых месторождений полезных ископаемых, освоение новых земель, вовлечение в производственную деятельность ранее неработавших, в том числе и иммигрантов, строительство новых предприятий), либо за счет технических и технологических нововведений.

Если новая техника, новые технологические процессы будут внедряться одновременно и примерно в равной мере во всех отраслях, то граница производственных возможностей (рис. 1.2, а) сдвинется из положения AD в положение A_1D_1 и возможности выпуска и средств производства, и предметов потребления при тех же ресурсах увеличатся примерно в равной степени. И точка E , лежащая вне прежних границ области производственных возможностей OAD , окажется теперь достижимой.

Если же нововведения будут осуществляться преимущественно в отраслях, производящих средства производства, расширение области производственных возможностей окажется сдвинутым влево, как показано на рис. 1.2, б.

Выйти на более высокую границу производственных воз-

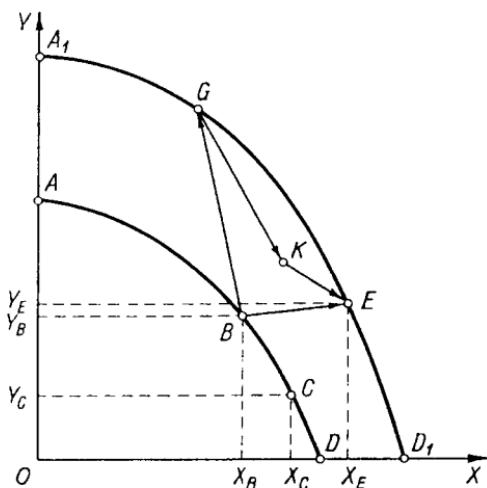

Рис. 1.3. Индустриализация и перестройка.

можностей можно и за счет увеличения накопления, роста физического капитала общества (строительства новых предприятий). Такой переход может потребовать сокращения размеров текущего потребления, а это может привести и к поистине драматическим последствиям для жителей страны, вставшей на путь форсированной индустриализации.

Обратимся к рис. 1.3. Общество первоначально находится в точке C на кривой AD . Чтобы выйти на более высокую кривую A_1D_1 , оно должно создать новые производственные мощности. Но для этого сначала ему придется перейти из положения C в положение B , т.е. сократить производство предметов потребления, а значит и само потребление, с X_C до X_B , направив высвобожденные ресурсы на увеличение выпуска средств производства с Y_C до Y_B . Лишь введя эти новые средства производства в эксплуатацию, общество сможет перейти на более высокую границу производственных возможностей A_1D_1 и выбрать на ней положение E , при котором обеспечивается больший объем производства и средств производства, и предметов потребления по сравнению с точками C , и B .

Заметим, что объем производства потребительских товаров в точке E превышает весь возможный объем их выпуска при

полном, стопроцентном использовании на эти цели всех ресурсов, которыми располагала страна до начала индустриализации, т.е. при прежней границе производственных возможностей (точка E лежит правее точки D).

Таким образом, выбрав намеченную нами траекторию роста своей экономики $C—B—E$, жители Швамбрании согласились бы пожертвовать своим сегодняшним благосостоянием во имя благосостояния будущих поколений. Трагедия в том, что при отсутствии внешней помощи темпы накопления, время, в течение которого страна осуществит переход с кривой AD на кривую A_1D_1 , как и высота последней, зависят от размеров этой жертвы и готовности принести ее.⁹

Заметим, что, осуществив первоначальное накопление или индустриализацию, мы могли бы двинуться из точки B не в точку E , а в точку G , т.е. продолжать накопление капитала в ущерб текущему потреблению. Производство, таким образом, начало бы работать само на себя (или на формирование военно-промышленного комплекса), игнорируя нужды и потребности людей.

А что произойдет, если правители Швамбрании, одумавшись, решат повернуть экономику страны навстречу потребностям людей? Смогут ли они плавно перевести ее из точки G , скажем, в точку E , двигаясь строго вдоль кривой A_1D_1 , т.е. осуществить структурную перестройку экономики? Нет, не смогут. Ведь накопленные средства производства, предназначенные для производства новых средств производства, не могут быть, как правило, использованы для выпуска потребительских товаров. Значит, переход из точки G в точку E будет идти по траектории, проходящей ниже дуги A_1D_1 , и сопровождаться хотя бы временно неполной занятостью имеющихся ресурсов. Таким образом, структурная перестройка экономики в этом случае будет сопровождаться спадом производства, закрытием некоторых производств и безработицей. (Точка K на рис. 1.3 характеризует максимальный спад).

⁹ Лимитами индустриализации, считал известный в 20–30-е гг., а впоследствии репрессированный экономист Г. А. Фельдман, «могут служить лишь материальные возможности с напряжением всех трудящихся Союза на грани физической и психологической выносливости» (Плановое хозяйство. 1929. № 2. С. 192).

Поэтому весьма важно, кто и каким способом осуществляет от имени общества выбор положения на одной и той же границе производственных возможностей (точки *B* или *C* на рис. 1.1, *G* или *E* на рис. 1.3). Ведь этот выбор в конечном счете и предопределяет распределение наличных ресурсов между конкурирующими или альтернативными целями.

1.3. КТО И КАКИМ ОБРАЗОМ?

Индивидуальный и общественный выбор совершается в определенный момент исторического времени, в контексте определенной организации общества, структуры власти, системы убеждений и нравственных ценностей.

Человечество выработало множество способов организации распределения ограниченных ресурсов и результатов производства между альтернативными целями и субъектами конкуренции. Если отбросить принцип грубой силы, распространенный прежде всего в сфере межгосударственного, а до того межплеменного распределения *естественных* ресурсов, то эти способы могут быть классифицированы в три основные группы:

- 1) основанные на традициях и обычаях;
- 2) основанные на рыночном механизме;
- 3) основанные на командно-административных методах.

Традиции и обычаи, регулирующие сегодня в основном частную жизнь людей, играли несравненно большую роль в древнем и средневековом обществе (наследование занятий, социального статуса и ролей, многочисленные табу, социальные перегородки, кастовая, цеховая, общинная замкнутость, детальная регламентация многих сторон частной жизни). Но и в современном обществе традиции и обычаи оказывают влияние на многие стороны экономической жизни — деление профессий на «мужские» и «женские», приемлемый обществом уровень дифференциации доходов, некоторые способы распределения потребительских благ, особенно в небольших социальных группах.

Рынок — это общественный механизм распределения благ посредством добровольного обмена. Обмен может совершаться непосредственно, в форме бартера (обмен значками, марками, подарками, обмен «шефской помощи» по уборке овощей на часть

урожая, строительных материалов на телевизоры, и т.п.), и посредством промежуточного обмена благ на особый товар, являющийся всеобщим, признанным всеми средством обмена и единицей счета (*numéraire — фр.*) — деньги. Во втором случае обмен принимает форму *купли-продажи*, а его участники приобретают легальный статус *продавцов и покупателей*. Продавцы обменивают товары на деньги, покупатели — деньги на товары.

Использование денег облегчает обмен, избавляет от необходимости поиска контрагентов, готовых обменять, скажем, «шило» именно и только на «мыло» или наоборот. Кроме того, использование денег позволяет включить в обмен *промежуточные товары*, не являющиеся конечными потребительскими благами, и таким образом способствует углублению разделения труда, специализации производства. Наконец, использование денег позволяет вести экономические расчеты, сопоставлять доходы и расходы, выручку и затраты, определять прибыли и убытки.

Нормы обмена товаров на деньги называют денежными ценами товаров. Наоборот, нормы обмена денег на товары называют товарными ценами денег.

Субъектами рынка, или экономическими агентами, являются:

индивидуумы, иначе домохозяйства или потребители, покупающие конечные потребительские блага и услуги;

предприятия, осуществляющие преобразование первичных ресурсов в конечные или промежуточные блага и услуги;

собственники первичных производственных ресурсов.

Роли экономических агентов могут, конечно, совмещаться. Так, индивидуумы обычно являются не только покупателями конечных благ, но и собственниками своей рабочей силы, а нередко и других первичных ресурсов, например земли. С другой стороны, домохозяйства являются и предприятиями по производству многих конечных благ и услуг (приготовление пищи, строительство дома, ремонт квартиры, работа в саду). В качестве экономических агентов могут выступать также разнообразные общественные организации и объединения граждан, а также государство.

Обращающиеся на рынке блага (осозаемые и неосозаемые) называют, независимо от их происхождения, *товарами*. Последние различаются своими физическими свойствами и поло-

жением в пространстве—времени. Так, помидоры в Астрахани и в Архангельске — это разные, хотя, быть может, и физически однородные товары, равно как и помидоры ранней весной и поздней осенью. Эти различия объясняются отсутствием совершенной (вне времени и пространства) замещаемости товаров в производстве и потреблении.

Идеально рыночный механизм исключает какое-либо внешнее по отношению к самому рынку, государственное установление цен и объемов продаж, предполагает свободную игру рыночных сил. Государству отводится при этом роль «ночного сторожа», наблюдающего за соблюдением правил поведения на рынке, который рассматривается как самодостаточный инструмент для решения любых экономических проблем.

Каждый отдельный человек, считал А. Смит, старается употребить свой капитал так, чтобы продукт его обладал наибольшей стоимостью. Обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он ей содействует. Он имеет в виду лишь свой собственный интерес, преследует лишь собственную выгоду, причем «в этом случае... он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это».¹⁰ Это — знаменитая «теорема о невидимой руке», ставшая символом веры для многих поколений экономистов. Для многих, но не для всех. Иные предпочли «невидимой руке» рынка «видимую руку» государства.

Если рынок основан на добровольном обмене товарами и услугами независимых, оптимизирующих свое положение субъектов, то государственное управление экономикой предполагает использование властных или, иначе, *командно-административных методов*. Эти методы идеально ориентированы на организацию общественного хозяйства по образу «единой фабрики»¹¹ или «единого поместья».

Вот как представляет «государственное хозяйство без частной собственности на землю и капитал» один из выдающихся теоре-

¹⁰Смит А. Богатство народов. С. 332.

¹¹ «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101).

тиков социализма К. Родбертус: «Но теперь, вместо того чтобы покупать у себя самого сырой продукт, снова продавать его самому себе как полуфабрикат и т.д., оно (государство. — В.Г., С.И., В.М.) должно только так проявить свою волю, чтобы сырой продукт шел на фабрики и, после того как он пройдет по различным производственным ступеням, распределялся бы между потребителями... Это совершалось бы при помощи административного распоряжения, приблизительно так, как в настоящее время в каком-либо сельском хозяйстве необходимо лишь хозяйственное распоряжение управляющего для того, чтобы вымощенная рожь была доставлена на другой ток для очистки».¹²

В таком обществе хозяйствственные связи между контрагентами и нормы обмена устанавливаются и поддерживаются центром посредством иерархически построенной системы управления. Добровольный обмен либо полностью запрещен, либо существенно ограничен, а его остатки вытеснены на периферию экономической жизни, где они формируют сферу *теневой* экономики. Таким образом, обмен заменяется распределением. Субъекты хозяйственной деятельности меняют свой статус продавцов и покупателей на статус государственных служащих или чиновников — исполнителей воли или «хозяйственных распоряжений управляющего», а государство целиком поглощает гражданское общество, сливаются с ним в единое, нерасчленяемое целое.

Как писал в 1809 г. один из специалистов в области «Staatskunst» А. Мюллер (1779–1829), «государство не есть простая мануфактура, ферма, страховое учреждение или торговая компания; оно есть тесное единение всех физических и духовных потребностей, всего материального и духовного богатства, всей внутренней и внешней жизни нации — единение в великом,

¹² Родбертус К. Капитал : Четвертое социальное письмо к фон Кирхману. СПб., 1906. С. 80, 99.

Карл Иоганн Родбертус-Ягецов (1805–1875) — немецкий экономист и политический деятель. В отличие от К. Маркса связывал переход к новому обществу не с революционными преобразованиями и диктатурой пролетариата, а с изменением сущности собственности: «...пусть в действительности собственность на землю и капитал станет прежде всего более „должностью“, а ее рента более „жалованьем!“» (там же. С. 151).

умственном, вечно движущемся и живущем целом». ¹³ Попытки воплотить в той или иной форме, под тем или иным флагом эти идеалы в жизнь характерны для ряда тоталитарных режимов XX в.

Государственное назначение цен как желанная альтернатива вольному, рыночному ценообразованию всегда было непременным элементом многочисленных проектов «идеального» государства будущего. В одном из них, принадлежащем перу известного немецкого философа И. Г. Фихте, в частности, можно прощать: «Правительство должно, согласно установленным принципам, назначить цены всем предметам, поступающим в торговый оборот, и наблюдать на основании закона, чтобы они не были произвольно изменяемы. Таким образом, каждому обеспечивалось бы то, что ему следует, а не то, что дает слепой случай, эксплуатация ближнего и насилие. В таком государстве все граждане являются слугами целого общества и каждый из них получает следуемую ему часть из богатств этого целого. Никто не может особенно обогатиться, но никто не может и обеднеть. Каждому гражданину в отдельности и всему обществу обеспечено, таким образом, спокойное и равномерное существование». ¹⁴ Вплоть до конца 80-х гг. такое государственное назначение цен и с примерно той же аргументацией оставалось под именем «планового ценообразования», «государственной дисциплины цен» официальной доктрины политики цен в СССР.

Может ли «видимая рука» государства полностью заменить «невидимую руку» рынка, «левая» рука «правую»?

Утвердительный ответ на этот вопрос был дан итальянским экономистом Э. Бароне в статье «Министерство экономики коллективистского государства», опубликованной в 1908 г. Согласно Бароне, при определенных допущениях теоретически возможно обеспечить посредством командно-административных методов не

¹³ Цит. по: Бернацкий М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911. С. 35.

¹⁴ Фихте И. Г. Замкнутое государство. СПб., 1883. С. 58–59. В этом государстве «введена» неконвертируемость «денег данной страны», государственная монополия внешней торговли, которая должна иметь исключительно бартерный характер, равенство оплаты труда, запрещены частные поездки граждан за границу и даже провозглашен лозунг: «Нельзя ждать. Надо завоевать природу искусством и техникой» (с. 63).

менее эффективное распределение ресурсов, чем посредством рынка. Из этой же возможности исходили, по-видимому, и авторы некоторых работ по теории оптимального планирования в СССР в период 60—70-х гг.

Иной ответ был дан русским философом и экономистом П. Б. Струве. «Оба эти идеала, — писал Струве, — в формальном смысле одинаково неосуществимы, одинаково утопичны. Общественно-экономический процесс не может ни сам до конца рационализироваться на основе свободной игры хозяйственных сил, ни быть до конца рационализирован велением какого-нибудь субъекта власти».¹⁵ Струве высказал убеждение в «имманентном дуализме» этого процесса. Опыт XX в., в том числе и опыт нашей страны, подтвердил справедливость этого вывода.

Дуализм, о котором писал Струве, проявился, в частности, в теории «рыночного социализма», разрабатывавшейся на Западе в 30—40-х гг. (О. Ланге, Ф. Тейлор, А. Лернер), а также в тезисе о «социалистическом рынке», выдвинутом некоторыми кругами в СССР на рубеже 90-х гг.

Реальное же подтверждение этот дуализм получил в *смешанной экономике*, существующей в большинстве развитых стран. Экономика смешанного типа регулируется и рынком, и государством, хотя в разных странах или в одной стране на разных этапах ее развития тот или иной способ регулирования оказывается явно преобладающим. Известны разные варианты организации экономики смешанного типа: «шведская модель», «социальное рыночное хозяйство» в Германии, японская, американская и другие модели. По мнению некоторых, командно-административная система в СССР в конечном счете эволюционировала (или выродилась) в экономику согласований, или бюрократический рынок, где отношения между выше- и нижестоящими представляли уже не столько отношения администрации и исполнения, сколько отношения обмена.¹⁶

¹⁵ Струве П. Б. Хозяйство и цена. СПб.; М., 1913. Ч. 1. С. 60.

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — экономист, философ, политический деятель, профессор политической экономии Петербургского политехнического института, позже ординарный академик Академии наук, с 1923 г. в эмиграции.

¹⁶ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991.

Господствовавшие в нашей стране до последнего времени командно-административные методы сочетались с использованием системы цен, играющей, конечно, несравненно более важную роль в странах с преобладанием рыночной экономики. Правда, в отличие от последних волевые, административные методы распространялись у нас и на систему ценообразования, установление уровня и соотношений цен различных товаров. С другой стороны, властное, государственное регулирование цен имело место на протяжении всей их писаной истории, хотя рамки и формы такого регулирования никогда не достигали тотального огосударствления ценообразования, характерного для командно-административной системы, существовавшей в нашей стране.¹⁷

Людей никогда не покидала мысль о желательности так или иначе покончить с конкуренцией. Но для этого необходимо преодолеть ограниченность ресурсов, либо сократив потребности до уровня возможностей общества, либо «развив» эти возможности до уровня потребностей. Творцы и приверженцы некоторых религиозных и философских систем проповедовали необходимость ограничения потребностей некоторым разумным уровнем потребления простого, живущего в естественных условиях человека. Другие, наоборот, связывали будущее «царство свободы» с высочайшей степенью развития производительных сил, когда все источники общественного богатства пользуются полным потоком, в результате чего сам собою осуществляется принцип «каждому — по потребностям».

Рыночный механизм не претендует на то, чтобы полностью преодолеть ограниченность ресурсов, но он может ослабить, смягчить эту ограниченность. С одной стороны, рыночный механизм стимулирует наиболее полное и эффективное использование наличных ресурсов. И страны с развитой рыночной экономикой лидируют сегодня в научно-техническом прогрессе и социальном развитии. С другой же стороны, рыночный механизм возлагает бремя ограничения потребностей на каждого отдельного

¹⁷ О государственном регулировании цен свидетельствуют законы вавилонского царя Хаммурапи, индийский кодекс Ману, эдикт римского императора Диоклетиана (301 г.) о «максимальных ценах» (Архангельский С.И. Указ Диоклетиана о ценах. Нижний Новгород, 1928; Струве П.Б. Хозяйство и цена. С. 101–314).

человека. Это достигается не посредством навязывания людям (или воспитания у них) какого-то «разумного» уровня потребностей, а путем преобразования потребностей в *платежеспособный спрос*.

Таким образом, «самостоятельность хотенья» каждого ограничивается его платежеспособностью, или, иначе, его готовностью *расплатиться* за удовлетворение одного своего «самостоятельного хотенья» самостоятельным же *отказом от удовлетворения* какого-то другого, менее важного для него «хотенья». Это может нравиться или не нравиться, но рынок ориентирован не на удовлетворение потребностей потребителей, а на удовлетворение спроса покупателей.

В условиях ограниченности ресурсов конкуренция за их использование неустранима, а борьба с ней бесперспективна. Можно принудить конкуренцию принять ту или иную форму, вытеснить ее на периферию экономической жизни, облегчить или затруднить процедуру выбора, даже лишить экономических агентов легального права осуществлять выбор, но за это придется платить определенную экономическую и социальную цену. Задача же состоит не в устраниении (что невозможно) или подавлении (что возможно, но неэффективно) конкуренции, а в том, чтобы придать ей цивилизованные, достойные человека формы, заставить ее работать на благо людей.

1.4. ПОЗИТИВНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Долгое время экономическая мысль, а затем и политическая экономия вмещали и изучение сущего, и конструирование должного, и выработку экономической политики. Лишь в конце XIX в. с формированием чистой экономической теории произошло обособление каждого из этих направлений. «Положительная (positive) наука, — писал Дж. Н. Кейнс, — может быть определена как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть; нормативная или регулятивная наука — как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть, и потому имеющих своим предметом идеальное, как нечто

отличное от действительного; искусство — как система правил для достижения данной цели».¹⁸

Положительная наука, полагал Кейнс, занимается изучением «единообразий» (*uniformities* — англ.), или, как мы сказали бы сейчас, закономерностей, нормативная — определением идеалов, искусство — формулированием предписаний. Он подчеркивал, что «и возможно, и желательно изучение экономических единообразий независимо от экономических идеалов и без формулирования экономических предписаний (но не наоборот)».¹⁹

Различие между ними можно показать на уже знакомом примере форсированной индустриализации Швабрании. Нормативный подход предполагает ответ на вопрос: «Должна ли Швабрания проводить форсированную индустриализацию?». Позитивный — ответ на вопросы: «Какими могут быть и, скорее всего, будут последствия такой индустриализации? Какова будет „цена“ индустриализации для общества?».

Экономическая наука является позитивной наукой,²⁰ исследующей то, что есть, или то, что может возникнуть в результате принятия тех или иных решений, хотя она и вынуждена в некоторых своих разделах считаться с проблемами, возникающими из-за различий в ценностной ориентации людей. Как человек и гражданин экономист может, конечно, иметь собственное, личное мнение о должном, но его задача как профессионала в другом.

Как человек, швамбранийский экономист может согласиться с К. Марксом, что «производство ради производства есть не что иное, как... развитие богатства человеческой природы как самоцель. Если противопоставить этой цели благо отдельных индивидов... — может продолжить он вслед за К. Марксом, — то это значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть задержано ради обеспечения блага отдельных индивидов... что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического

¹⁸ Кейнс Дж. Н. Предмет и метод политической экономии. М., 1899. С. 27.

Джон Невилл Кейнс (1852–1949) — английский экономист и логик, профессор Кембриджского университета, отец Джона Майнарда Кейнса.

¹⁹ Кейнс Дж. Н. Предмет и метод... С. 28.

²⁰ Для обозначения положительной науки термины экономика и экономическая наука более удобны, чем политическая экономия, потому что в них не так легко вложить двойственный смысл. (Кейнс Дж. Н. Предмет и метод... С. 41).

процесса, в ходе которого индивидуумы приносятся в жертву».²¹ Или же, наоборот, он может согласиться с Иваном Карамазовым, что нельзя ни построить, ни принять счастья, оплаченного слезой ребенка.

Но как специалист экономист должен определить, во-первых, с помощью каких средств можно достичнуть поставленной цели, и, во-вторых, какие следствия будет иметь применение тех или иных средств *помимо и наряду* с осуществлением цели. «Затем мы предоставляем действующему лицу возможность взвесить, каково будет соотношение этих непредусмотренных следствий с предусмотренными следствиями своего поведения, то есть даем ответ на вопрос, какой „ценой“ будет достигнута поставленная цель, какой удар предположительно может быть нанесен *другим ценностям*... Что же касается решения, принятого на основе такого взвешивания, то это уже составляет задачу *не* науки, а самого человека, действующего в силу своих желаний; он взвешивает и совершаает выбор между ценностями, о которых идет речь, так, как ему велят совесть и его мировоззрение».²²

И споры между экономистами вызываются именно различиями в их личной ценностной ориентации, мировоззрении, а не несовершенством экономического инструментария как такового. Экономисты не снимают с людей бремени выбора, но могут до определенной степени облегчить его, сделать выбор более ответственным.

Правда, их возможности могут остаться невостребованными, а советы или предостережения оставлены без внимания. Дело в том, что важнейшие решения, имеющие общенациональное значение, по необходимости основываются на *неполной* и к тому же крайне дорогой информации, а также на политических интересах и этических нормах, по поводу которых в обществе существуют принципиальные разногласия.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 2. С. 123.

²² Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 348.

Макс Вебер (1864–1920) — немецкий социолог, историк, экономист, профессор ряда университетов в Германии.

1.5. МИКРОЭКОНОМИКА И МАКРОЭКОНОМИКА

Структурно современная экономическая теория делится на два раздела — микроэкономику и макроэкономику.

Микроэкономика изучает поведение отдельных экономических агентов: индивидуумов, домохозяйств, предприятий, владельцев первичных производственных ресурсов. В центре ее внимания — цены и объемы производства и потребления конкретных благ, состояние отдельных рынков, распределение ресурсов между альтернативными целями.

Макроэкономика исследует функционирование экономической системы в целом и крупных ее секторов. Объектом изучения ее являются национальный доход и общественный продукт, экономический рост, общий уровень занятости, совокупные потребительские расходы и сбережения, общий уровень цен и инфляция.

Микроэкономику часто называют также *теорией цены*, хотя она исследует лишь *относительные* цены, т.е. соотношения цен отдельных товаров, оставляя проблему *абсолютного уровня* цен макроэкономическому анализу, который иногда называют также *теорией национального дохода и занятости*. Можно сказать, что микроэкономика видит лишь отдельные деревья, не видя за ними леса, тогда как макроэкономика за лесом не различает отдельных деревьев. Или, иначе, макроэкономика изучает факторы, определяющие *размеры «общественного пирога»*, тогда как микроэкономику интересуют его *состав и распределение*. Оба раздела экономической теории одинаково важны для экономического образования. «Вы образованы менее чем наполовину, — заметил П. Самуэльсон, — если Вы знаете лишь один раздел, но не имеете представления о другом разделе теории».²³

Конечно, между микроэкономическими и макроэкономическими процессами нет китайской стены или железного занавеса. Макроэкономические процессы в значительной мере инициируются решениями отдельных экономических агентов, а эти решения в свою очередь принимаются в определенной макрэко-

²³ Samuelson P. Economics. 10th ed. Tokyo, 1976. P. 380.

Пол Энтони Самуэльсон (р. 1915) — один из виднейших американских экономистов, с 1940 г. сотрудник Массачусетского технологического института, Нобелевская премия 1970 г.

номической среде и существенно зависят от нее. И в последнее время предпринимаются попытки представить еще один срез экономической теории — *мезоэкономику* (от греч. mesos — средний, промежуточный), рассматривающую традиционную микроэкономическую проблематику с учетом влияния на поведение экономических агентов важнейших макроэкономических переменных — совокупного спроса, инфляционных ожиданий и т.п. Время покажет, насколько эти попытки окажутся успешными.

1.6. МЕТОДОЛОГИЯ МИКРОЭКОНОМИКИ

Основным методом исследования, используемым экономической теорией, является моделирование экономических явлений и процессов, т. е. исследование объектов познания не непосредственно, а косвенно, посредством анализа некоторых вспомогательных объектов, которые и называют *моделями*. В отличие от многих естественных и особенно технических наук в экономике, как правило, преобладает идеальное моделирование, основывающееся не на материальной аналогии объекта исследования и модели, а на аналогии идеальной, мыслимой. Идеальное моделирование можно разбить на два класса: знаковое и интуитивное.

В экономической теории обычно используется знаковое моделирование, при котором моделями являются знаковые образования, как правило формулы и графики. При этом знаковые образования и их элементы задаются вместе с правилами, по которым можно оперировать с ними. Заметим, что к знаковым моделям относятся также слова и предложения в некотором естественном (например, русском или китайском) или искусственном языке.

Экономические модели должны в принципе отвечать ряду требований — содержательность и реалистичность принятых посылок и допущений, предсказательная способность, возможность информационного обеспечения и верификации, общность и ряд других. Среди экономистов нет единого мнения о том, какие из этих требований «главнее». Одни считают главным требованием, которому должна удовлетворять модель, ее предсказательную способность, другие в роли такого критерия видят реалистичность принятых допущений и способность объяснить посред-

ством модели поведение экономических агентов. Большинство же связывают предъявляемые к модели требования с той конкретной целью, для которой она предназначена.

Предсказательная способность важна для моделей, имеющих целью предвидеть результаты влияния одних экономических параметров на другие (например, влияние введения налогов на объем продаж какого-то товара). Реалистичность допущений и объясняющая способность важны для моделей, цель которых в объяснении поведения экономических агентов.

Объясняющей способностью в большей степени обладают графические модели, почему они и используются широко в педагогических целях. Вот как писал о ценности графических моделей (не только в экономике) английский математик Я. Стюарт: «Некоторые математики, может быть 10 из 100, мыслят формулами. Такова их интуиция. Но остальные мыслят образами; их интуиция геометрическая. Картинки несут гораздо больше информации, чем слова. В течение многих лет школьников отучали пользоваться картинками, потому что „они не строгие“. Это печальное недоразумение. Да, они не строгие, но они помогают думать, а такого рода помощь никогда не следует пренебрегать». ²⁴

В этой книге, как и в большинстве зарубежных курсов микроэкономики, графические модели, «картинки» являются основным способом представления материала. Достоинство «картинок» в их компактности, наглядности, легкой обозримости всех взаимосвязей между переменными. Но у них есть и недостаток. Легко читаемые «картинки» двумерны, тогда как трехмерные читаются уже не так легко, а многомерных «картинок» вообще не существует. Это ограничивает до некоторой степени объясняющую способность графических моделей в экономической теории.

В микроэкономике используются модели двух типов — оптимационные и равновесные.

При исследовании поведения отдельных экономических агентов применяются оптимационные модели. Поэтому основные рабочие понятия имеют здесь *пределный* характер: предельная полезность, предельный продукт, предельные затраты, предельная выручка и т.п. Это явилось основанием для того, чтобы на-

²⁴Стюарт Я. Концепции современной математики. Минск, 1980. С. 14–15.

звать такую методологию экономического анализа *маржинализмом*, а тех, кто пользуется ею, *маржиналистами* (от англ. *margin* — предел). Оба последних термина были введены английским экономистом Дж. Гобсоном (1858–1940) в работах «Индустриальная система» (1909) и «Труд и богатство» (1914) и носили пре-небрежительный оттенок. Он сохранялся длительное время и в отечественной литературе.

Своим проникновением в экономическую теорию термин «margin» обязан двум английским экономистам — малоизвестному Т. Чалмерсу и последнему представителю классической школы Джону Стюарту Миллю, который писал: «Последние земли или капитал, примененные, по выражению д-ра Чалмерса, для предельной обработки (*margin of cultivation*), не приносят и не принесут ренту».²⁵ В другом месте Милль заметил, что д-р Чалмерс объяснял явления действительности «собственным, оригинальным языком, который часто обнаруживает такие стороны истины, какие принятая фразеология склонна лишь затемнять».²⁶ Этот «оригинальный язык», дополненный математическим анализом, и составил стержень современного аналитического инструментария экономической теории.

Второй тип моделей — модели рыночного равновесия — используется при исследовании взаимоотношений между экономическими агентами. Обычно предполагается, что система находится в равновесии, если взаимодействующие силы сбалансированы и отсутствуют внутренние импульсы к нарушению баланса. Модели рыночного равновесия — частный случай более широкого и общего класса моделей экономического взаимодействия рыночных агентов. Они позволяют исследовать не только равновесные, но и неравновесные состояния экономики. Однако анализ неравновесных состояний обычно не включается в стандартные курсы микроэкономики.

Почему именно равновесные модели играют столь важную роль в микроэкономической теории? Дело в том, что отдельные субъекты рынка, индивидуумы (домохозяйства) и предприятия,

²⁵ Милль Дж. С. Основы политической экономии. М., 1980. Т. 2. С. 474. Английский оборот *margin of cultivation* буквально значит предел обработки (*Маршалл А.*. Принципы политической экономии. М., 1983. Т. 1. С. 224).

²⁶ Милль Дж. С. Основы политической экономии. М., 1980. Т. 1. С. 175.

могут оптимизировать свое положение, лишь если им известны все цены на потребляемые ими ресурсы и предлагаемые ими блага. Однако отдельный субъект обычно не может иметь определенного мнения о том, как он мог бы использовать свои средства при произвольно данном уровне цен. Практически он должен ограничиться решением: какое количество определенного товара он мог бы купить или продать при *некотором изменении его цены*, но при том, однако, условии, что *цены всех остальных товаров остаются неизменными*, «ибо только при таком предположении денежная единица имеет для него вполне ясное значение... Лучшим методом для изучения ценообразующих факторов является предположение о состоянии равновесия и о небольших колебаниях одной какой-нибудь определенной цены».²⁷

В периоды высокой инфляции, когда абсолютные цены всех товаров быстро растут, но растут в разной степени, субъекты рыночных отношений теряют представление о значении денежной единицы. Казалось бы, в этой ситуации лежащее в основе микроэкономических моделей предположение о состоянии равновесия теряет смысл. Однако это не так. Равновесные модели остаются и в этом случае единственным инструментарием, позволяющим аналитику выделить в поведении субъектов рынка то, что обусловлено изменением уровня цен, и то, что обусловлено изменениями их соотношений. И точно так же модели равновесия между совокупным спросом и совокупным предложением являются основой макроэкономического анализа колебаний уровня экономической активности, занятости, инфляции.

²⁷ Кассель Г. Основные идеи теоретической экономии. Л., 1929., С. 53.

Густав Кассель (1866–1945) — шведский экономист, профессор политэкономии и финансов Стокгольмского университета (1904–1933).